COBPEMENHIOIM MINISTRACIONALISMOS CONTRACTOR OF THE CORPENSION OF THE CORP OF

COLEPKAHIEN º 2

-u-		
1.	ПРОКЛЯТЫЙ РОДЪ. Романъ. (Продолженіе). Ивана Рукавишникова.	тр.
2.	ИСПУГЪ Разсказа С Сортата И	5
3	ИСПУГЪ. Разсказъ. С. Сергъева-Ценскаго	43
4	ЛАГЕРЬ СМЕРТИ. Повъсть о пережитомъ. А. Свирскаго.	51
	ТАЛИСМАНЪ. Романъ изъ англо-индійской жизни. А. Перринъ.	
E	Перев. Э. К. Пименовой. (Продолженіе).	83
5.	магл-клара. Романъ. Маргариты Оду. (Пер. съ франц.) (Про-	
	должене.)	117
0.	THICKIN NOTOTALD, HOOD, M POCTORIORO (Organia)	
1.	MEMAS I FAI ELIEN N WAPLOWS R MONING	
0.	O IIIICAI EJIAA D-CAMOY 4KAX B M CONLUCEO	
	SAD BELLATITE. CINXOTBODEHIE. I. III ARUAHKO HADAR A VOLUMENTAL	210
10.	TARD IT WITH TO DOING HONOXEHIE 19 OFRPAIR OCPORA	
	жденными крестьянами. А попольчимисть	211
11.	* * CIMAUIBOPEHIE. BA. BETRUIKATA	
	"OCDODOMALINES REELIDAND INCOVOURS	235
13.	ПЕРВЫЙ НАРОДНЫЙ ПОЭТЪ (Т. Г. Шевченко). В. Львова-	230
	rolayebckard.	6
14.	ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ПРИКАЗЧИЧІЙ ВОПРОСЪ. А. ГУА	263
	Baha	
15.	вана	275
	теля / Лапсиого	
	теля. І. Ларскаго	284

1	6. ЧЬЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ? («Наше преступленіе» г. Родіонова и про-	CTF
	цессъ де-Ласси). Е. Смирнова. 7. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТКЛИКИ, Барлъ русской и	
1	7. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТКЛИКИ Бария	299
	нихфельла	
18	8. СТАРЫЙ СПОРЪ (Писта	30€
19	9. ЗА РУБЕЖОМЪ полити В	318
20	0. ПАВЕЛЪ ЗИНГЕРТ и в	328
27	I. HONNTHYECKOE OF ORDER	342
22	. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ	344
	"За синими прими" д г. Алексъй Н. Толстой Стиги	
	CHEDAHCKAG CTURGES . TIBERHANKE TIBERHANKE X DUCTURG	
	жизнь. Ч. І. О Достоевскомъ и Львъ Толстомъ. — Алексъй Плетневъ. Собраніе сочиненій. — Разсказы Адама Бъльската И	
	Вилль. Плашъ пророка Веста 10.—И 3-раэль Занг	
	Театръ Ибсена I Россиональной Аполлонская (Стравинская)	
	менники. І. На запад У В	
	С. Ө. Платоновъ. Очерки по истории смуты въ Московскомъ государствъ XVI—XVII вв.—Изд. Научно-экономин колуми	
	XVI—XVII вв.—Изд. Научно-экономич. кружка при Спб. техно-	
	даннымъ переписи 1000 10	
	Промышленные конфликти.	
	и права. — Марсель Эбера П	
	формъ: англо-американскихъ, французскихъ, итальянскихъ, и его различныхъ наго значенія. —Россія. Изд. А. ф. Левріоно Т. М. и	
	наго значенія.—Россія. Изд. А. Ф. Девріена. Т. XIX. Новороссія и Крымъ.— А. Б. Качкаевъ. Въ мірт грезъ.	
23.	А. Б. Качкаевъ. Въ міръ грезъ	361
24.		372

При этомъ № разсылается всѣмъ подписчикамъ, кромѣ Московскихъ и Петербургскихъ, объявленіе книгоиздательства "Польза" В. Антикъ и К^о.

"Освобожденіе" крестьянъ.

(Справка къ 50-ти-лътію).

По жизни помъщичьей Звонятъ!... Ой, жизнь широкая! Прости—прощай на въкъ! Прощай и Русь помъщичья! Теперь не та ужъ Русь!

Порвалась цѣпь великая, Порвалась, разскочилася: Однимъ концомъ по барину, Другимъ по мужику!..

Некрасовъ ("Кому на Руси жить хорошо").

Не только въ исторіи Россіи, но и въ лѣтописяхъ всемірной исторіи,—говоритъ покойный Джаншіевъ,—немного найдется дней, съ которыми соединялось бы такое радостное, бодрящее и возвышающее душу настроеніе, какъ съ незабвеннымъ днемъ 5 марта 1861 года» 1):

Съ другой стороны, Н. Г. Чернышевскій уже въ своей статьѣ: «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія», напечатанной въ декабрьской книжкѣ «Современника» за 1858 г., обнаружилъ полное разочарованіе въ крестьянской реформѣ. Онъ говорилъ, что ему совѣстно вспоминать о той безвременной самоувѣренности, съ которой онъ поднялъ споръ объ общинномъ землевладѣніи. И онъ слѣдующимъ образомъ объяснялъ «какъ могъ» (т.-е. насколько позволяла цензура), причину своего стыда.

Общинное землевладъніе было ему дорого, «какъ высшая гарантія благосостоянія» освобождаемыхъ крестьянъ. Но въ этомъ своемъ качествъ гарантіи, общинное землевладъніе получило бы практическій смыслъ только въ томъ случав, если бы находились на-лицо два условія:

«Во-первыхъ, принадлежность ренты тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвуютъ въ общинномъ владѣніи. Но этого еще мало. Надобно также замѣтить, что рента только тогда серьезно заслужи-

¹⁾ Гр. Джаншіевъ. Эпоха Великихъ Реформъ. Историческія справки. Спб. 1905 г., стр. 3

ваетъ своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими изъ самаго ея полученія. Примъры малой выгодности ея при противномъ условіи часто встръчаются у насъ по дворянскимъ имъніямъ, обремененнымъ долгами. Бываютъ случаи, когда наслъдникъ отказывается отъ полученія огромнаго количества дясятинъ, достающихся ему послъ какого-нибудь родственника, потому что долговыя обязательства, лежащія на землъ, почти равняются не одной только рентъ, но и вообще всей суммѣ доходовъ, доставляемыхъ помѣстьемъ. Онъ разсчитываетъ, что излишекъ, остающійся за уплатою долговыхъ обязательствъ, не стоитъ хлопотъ и другихъ непріятностей, приносимыхъ владѣніемъ и управленіемъ. Потому, когда человъкъ уже не такъ счастливъ, чтобы получить ренту, чистую отъ всякихъ обязательствъ, то, по крайней мъръ, предполагается, что уплата по этимъ обязательствамъ не очень велика по сравненію съ рентою, если онъ находитъ выгоднымъ для себя вводъ во владъніе. Только при соблюденіи второго условія, люди, интересующіеся его благосостояніемъ, могутъ желать ему полученіе ренты» 1).

Но эти два условія отсутствовали; «вводъ во владѣніе» освобож даемыхъ крестьянъ становился новымъ источникомъ крестьянскаго разоренія. Поэтому вопросъ о томъ, будетъ ли примѣненъ общинный принципъ къ убыточному для крестьянъ владѣнію землею, утрачивалъ всякую важность для великаго публициста 60-хъ гг. И это отнюдь не было его минутнымъ настроеніемъ. Въ романѣ «Прологъ», написанномъ уже въ Сибири, Волгинъ (т.-е. тотъ же Чернышевкій. Г. П.), въ бесѣдѣ съ Невельзинымъ, высказавъ ту мысль, что февральская революція во Франціи совершилась слишкомъ рано, прибавляетъ:

«Такъ вотъ оно и у насъ. Толкуютъ: «освободить крестьянъ». Гдѣ силы на такое дѣло?—Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите, къ чему идетъ: станутъ эсвобождать. Что выйдетъ?—Сами судите, что выходитъ, когда берешься за дѣло, котораго не можешь сдѣлать. Натурально что: испортишь дѣло, выйдетъ мерзость... Эхъ, наши господа эмансипаторы, всѣ эти наши Рязанцевы съ компаніею!—вотъ хвастуны-то; вотъ дурачье-то?...» 2).

Въ другомъ мѣстѣ того же романа Волгинъ утверждаетъ, что крестянамъ выгоднѣе было бы, если бы ихъ освободили совсѣмъ безъ земли, именно потому, что тогда имъ легче было бы пріобрѣтать землю. Выходитъ, стало быть, что взглядъ Чернышевскаго на «освобожденіе» крестянъ прямо противоположенъ взгляду Джаншіева: одинъ видитъ испорченное дѣло и даже прямо «мерзость» тамъ, гдѣ другой, вмѣстѣ съ проф. Никитенкомъ, видитъ самое отрадное событіе во всей тысячелѣтней исторіи Россіи 3). На чьей же сторонъ

¹) Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго Спб., 1906 г., т. IV, стр. 306—307. ²) Соч., т. X, ч. I, разд. 2-ой, стр. 91.

³⁾ Джаншіевъ, назв. соч., 4.

истина? Или, если оба заблуждаются—это иногда бываетъ,—то всетаки кто же меньше удалился отъ истины,—либералъ старой школы или соціалистъ до-марксовой эпохи?

Чтобы отвътить на этотъ вопросъ, намъ необходимо выяснить свое собственное отношеніе къ «освобожденію» крестьянъ. А для этого слъдуетъ прежде всего привести въ ясность, отъ чего же именно ихъ «освобождали».

сунка доходова, поставляемиехь помбетдеми. Он в разсчитываеть что

Освобождали крестьянъ отъ крѣпостной зависимости по отношенію къ помѣщикамъ. Какъ же она возникла?

Кіевская Русь не знала крѣпостного права, хотя знала рабовладъніе, Проф. В. Ключевскій говорить, что экономическое благосостояніе Кіевской Руси XI и XII вв. держалось на рабовладѣніи, которое достигло тамъ громадныхъ размъровъ 1). Это свое мнъніе по чтенный профессоръ основываеть на томъ, что «русскій купецъ того времени всюду неизмѣнно является съ главнымъ своимъ товаромъсъ челядью» 2). Мнъ кажется, что это обстоятельство еще не подтверждаетъ мнѣнія г. Ключевскаго во всей его полнотѣ. На низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія, вслъдствіе господства такъ наз. натуральнаго хозяйства, торговцы «всюду неизмънно являются» только съ предметами роскоши. А на предметахъ роскоши никакая страна не можетъ основать свое экономическое благосостояніе. Роскошь есть слъдствіе благосостоянія извъстнаго класса, а не основа его. Но какъ бы тамъ ни было, несомнънно, что рабовладъніе было значительно распространено въ Кіевской Руси. Проф. В. Ключевскій утверждаеть, что челядь (тогдашнее названіе рабовъ) составляла необходимую хозяйственную принадлежность частнаго землевладънія того времени. «Отсюда можно заключить, продолжаетъ онъ, - что самая идея о правъ собственности на землю, о возможности владъть землею, какъ всякою другою вещью, вытекла изъ рабовладънія, была развитіемъ мысли о правъ собственности на холопа. Эта земля моя, потому что мои люди, ее обрабатывающіе: таковъ былъ, кажется, діалектическій процессъ, которымъ сложилась у насъ юридическая идея о правъ земельной собственности» 3). Здъсь заключение тоже значительно шире, нежели фактъ, положенный въ его основу. «Развитіемъ мысли о правъ собственности на холопа» могла явиться только идея о правъ частной собственности на землю. Но такая собственность вовсе не есть единственный возможный видъ поземельной собственности. Извъстно, что появленію частной собственности на землю предше-

¹⁾ Курсъ Русской Исторіи. Часть І, изд. 3-е, стр. 338.

²⁾ Тамъ же, та же стр. 3) Тамъ же, стр. 340.

ствовало существование родового землевладъния 1). Родовой союзъ, по организаціи своей, былъ, въроятно, похожъ на сербскую задругу; члены такого союза владъли землей и обрабатывали ее сообща. Мало-по-малу родовой союзъ разлагается, и на его развалинахъ возникаетъ мелкое частное землевладъніе, довольно быстро ведущее къ значительному неравенству въ распредъленіи земли. И. Энгельманъ признаетъ несомнъннымъ, что въ древней Руси «масса населенія жила на своей землъ». Онъ дълаетъ при этомъ такую оговорку: «Конечно, понятіе о правъ поземельной собственности еще не было установлено со всею юридическою опредъленностью право на землю являлось въ видъ права владънія» 2). Но это само собою разумъется и нимало не колеблетъ правильности той мысли, что въ древней Руси, какъ и вездъ, общинное землевладъніе въ его первоначальномъ видъ, -т.-е. въ видъ родового землевладънія, а не въ видъ сельской общины съ передълами, - предшествовало крупному землевладънію.

Въ Кіевской Руси, съ разложеніемъ родового быта, возникло частное мелкое землевладѣніе, т.-е. собственно частное владѣніе пахатной землей, дополнявшееся общиннымъ владѣніемъ угодьями ³). Проф. М. К. Любавскій такъ изображаетъ положеніе въ Кіевской Руси того общественнаго слоя, изъ котораго развилось впослѣдствіи такъ названное въ Московской (но не въ Литовской) Руси крестьянство.

«Первоначально, въ древнія времена Кіевской Руси, предки крестьянъ—люди, или смерды—выступаютъ не только въ качествъ земледъльцевъ и промышленниковъ, но и въ качествъ свободныхъ, самостоятельныхъ земледъльцевъ. Наряду съ князьями, ихъ «мужами», или боярами, и церковными учрежденіями смерды являются обладателями «селъ», т.-е. хозяйственныхъ усадебъ съ пахот-

^{1) &}quot;Итакъ, родъ, представляющій совокупность нѣсколькихъ нераздѣльныхъ семей, имѣющій своего старшину и свое собраніе (указаніе на послѣднее содержатъ въ себѣ византійскіе писатели)—такова форма общественныхъ отношеній, съ которой начинается засвидѣтельствованная памятниками исторія славянъ и ихъ права". (Родовой бытъ въ настоящемъ, недавнемъ и отдаленномъ прошломъ. Проф. М. Ковалевскаго. 1905 г., стр. 80).

²⁾ И. Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Москва, 1900, стр. 5.

^{3) &}quot;Общиннаго землевладънія въ тъсномъ смыслѣ слова, съ періодическими передълами, въ нашей средневъковой волости не было, какъ и въ однородной съ нею маркъ. Волощане владъли землею, какъ собственностью, съ правомъ распоряженія; объ этомъ свидътельствуетъ множество купчихъ, закладныхъ и раздъльныхъ грамотъ между наслъдниками на различные участки волостныхъ земель. Но съ этимъ частнымъ землевладъніемъ въ волости, также какъ въ маркъ, соединялось землевладъніе общинное. Значительная часть угодій состояла въ общинномъ владъніи и пользованіи наравнъ съ германской альтендой. Въ общинномъ владъніи состояли также и всякіе, покинутые собственниками, участки, такъ называемыя п у с т о ш и. Вотостная община свободно распоряжалась такими угодьями и пустощами". (Н. П.-Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси. Спб., 1907. Стр. 52). См. въ посмертномъ изд. его Сочиненій, т. ІІІ, стр. 58 и слъд.

ными землями и разными угодьями. Объ этомъ прямо говоритъ намъ современникъ-лътописецъ» 1).

II.

Я потому останавливаюсь на этомъ историческомъ вопросъ что онъ тъсно связанъ съ тъмъ практическимъ вопросомъ, который выросталъ передъ нашими общественными деятелями всякій разъ, когда они задумывались надъ уничтоженіемъ кръпостного права: кому принадлежитъ та земля, на которой сидитъ «крещенная собственность» помъщиковъ? Допуская, что крупная поземельная собственность, основанная на рабовладъніи, предшествовала у насъ всъмъ другимъ видамъ поземельной собственности, весьма естественно предположить, что крестьяне, которые стали впослъдствіи осъдать въ барскихъ вотчинахъ, всегда были бродячими безземельными батраками; а разъ принявъ это предложеніе, необходимо признать, что тъ земли, которыя находились въ пользованіи крестьянъ, всегла составляли собственность помъщиковъ, и что освобожденіе крестьянъ должно свестись къ простому возстановленію нѣкогда принадлежавшаго имъ, но впослъдствіи отнятаго у нихъ права перехода отъ одного землевладъльца къ другому. Извъстно, что такъ смотръли на этотъ вопросъ, напр., даже нъкоторые декабристы 2). Извъстно также, что сами крестьяне никогда не раздъляли этого взгляда. Они упрямо повторяли пом'вщикамъ: «мы—ваши, а земля наша». Разсмотрѣніемъ этого коренного вопроса должно начинаться всякое серьезное изслъдование объ освобождении крестьянъ.

Къ сожалѣнію, этотъ коренной вопросъ до сихъ поръ еще недостаточно разработанъ нашими историками. Я только что привелъмнѣніе проф. В. О. Ключевскаго о землевладѣніи въ Кіевской Руси. О крестьянахъ Московской Руси тотъ же историкъ говоритъ:

«Крестьяне всюду жили на чужихъ земляхъ, церковныхъ, служилыхъ либо государственныхъ; даже сидя на черныхъ земляхъ, не составлявшихъ ничьей частной собственности, крестьяне не считали этихъ земель своими. Про такія земли крестьянинъ XVI вѣка, говорилъ: «та земля великаго князя, а моего владѣнья»; «та земля Божья да государева, а роспаши и ржи наши». Итакъ, черные крестьяне очень ясно отличали право собственности на землю отъ права пользованія ею. Значитъ, по своему поземельному положенію, т.-е. по юридическому и хозяйственному отношенію къ землѣ крестьянинъ XVI вѣка былъ безземельнымъ хлѣбопашцемъ, работавшимъ на чужой землѣ» 3).

¹⁾ Статья проф. М. К. Любавскаго: "Начало закръпощенія крестьянъ" въ юбилейномъ изданіи "Великая Реформа". Томъ І, стр. 1.

²⁾ См. "Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинъ XIX въка". В. И. Семевскаго. Спб., 1888. Т. І, стр. 508 и 509.—Ср. статью того же автора: "Декабристы и крестьянскій вопросъ" въ сборникъ "Великая Реформа", т. ІІ, стр. 188.

^в) Цит. соч., часть 2, стр. 369.

Нъсколько ниже тотъ же самый взглядъ выражается болъе кратко, но еще болъе выпукло:

«Итакъ, крестьяне XVI въка по отношеніямъ своимъ къ землевладъльцамъ были вольными и перехожими арендаторами чужой земли, государевой, церковной или служилой» 1).

А. И. Никитскій совершенно такъ же характеризуєть положеніе земледѣльцевъ въ Великомъ Новгородѣ, область котораго занимала, какъ извѣстно, огромную площадь на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ нынѣшней Россіи.

«Что же касается до земледъльцевъ собственно, то всъ данныя говорятъ въ пользу того заключенія, что они совсъмъ не знали ни-какой поземельной собственности. Какъ бы разнообразно ни назывались въ Новгородской землъ земледъльцы, —смердами ли, половниками, сиротами или крестьянами, отличительной чертой ихъ было отсутствіе поземельной собственности» ²).

Если это правда, если отличительной чертой земледъльцевъ Новгородской земли было отсутствіе у нихъ поземельной собственности, и если такъ же обстояло дъло въ Московской Руси XVI въка, то нельзя не признать, что и тамъ, и здъсь безземельное освобожденіе крестьянъ отнюдь не было бы нарушеніемъ историческихъ

правъ земледъльческаго класса. Но правда ли это?

Что касается Новгородской земли, то самъ А. И. Никитскій далъ себъ трудъ увърить насъ въ томъ, что отсутствіе поземельной собственности вовсе не было тамъ отличительной чертой земледъльцевъ. Нъсколько ниже только что приведеннаго мною мъста онъ оговаривается: «Впрочемъ, было бы несправедливо думать, что... самостоятельное крестьянское землевладъніе... исчезло совершенно. Оно не только не исчезло, но продолжало образовывать все еще замѣтную величину ⁸). И онъ указываетъ на причины, которыя сокращали число крестьянъ - собственниковъ въ Великовъ Новгородъ: естественныя бъдствія, хлъбные недороды, падежъ скота, обременительные общественные тягости и поборы 4). Ясно, значитъ, что было время, когда въ Новгородской землъ существовалъ классъ независимыхъ мелкихъ землевладъльцевъ - земледъльцевъ. Численность этого класса уменьшалась вслъдствіе неблагопріятныхъ условій, однако, онъ не исчезъ вплоть до московскаго завоеванія. Когда Московскій великій князь наложиль свою тяжелую руку на Новгородскую землю, онъ, конечно, установилъ тамъ московскіе поземельные порядки.

III.

Паденіе политической независимости Новгорода весьма неблагопріятно отразилось на судьбѣ его мелкихъ землевладѣльцевъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 372. 2) Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. Москва, 1893 г., тр. 41.

стр. 41.

⁸) Тамъ же, стр. 44.

⁴) Тамъ же, та же стр. Февраль.

«Такъ какъ, въ Москвѣ знали только служилыхъ людей и крестьянъ,—говоритъ Энгельманъ,—а на сѣверѣ не было служилыхъ людей, то мелкихъ земельныхъ собственниковъ приравняли къ крестьянамъ и обложили ихъ крестьянскими данями и повинностями, причемъ, ради простоты и однообразія, ихъ платежи были опредѣлены въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ ихъ платили великокняжескіе половники. То обстоятельство, что эти крестьяне сидѣли на собственной землѣ, не было принято во вниманіе; въ Московскомъ княжествѣ никто не владѣлъ землею, кромѣ служилыхъ людей, а порядки, не похожіе на московскіе, московское правительство никогда не признавало законами» 1).

Вотъ эти-то порядки, состоявшіе въ томъ, что въ Московскомъ княжествѣ никто не владѣлъ землей, кромѣ великаго князя, служилыхъ людей и духовенства, и выражаются въ словахъ проф. Ключевскаго о томъ, что въ XVI вѣкѣ крестьяне Московской Руси были вольными и перехожими арендаторами чужой земли. Когда у крестьянъ отняли ихъ собственную землю, то имъ, конечно, ничего другого не оставалось, какъ пристраиваться на чужой. Но совершенно неоспоримо, что указанный проф. Ключевскимъ родъ крестьянской «вольности» былъ простымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ экспропріаціи. Повидимому, нельзя сомнѣваться, что онъ довольно рано закончился на русскомъ сѣверо-востокѣ. Изображая этотъ процессъ, проф. Любавскій говоритъ:

«Въ концъ концовъ всъ крестьяне изъ самостоятельныхъ землевладъльцевъ превратились въ пользователей, арендаторовъ чужой земли: либо княжеской государственной, либо княжеской дворцовой, либо боярской, либо церковной. Такое положеніе въ XIV въкъ можно считать уже установившимся, опредълившимся фактомъ, по крайней мъръ, для центральнаго ростово-суздальскаго района съверовосточной Руси» ²).

Тутъ можно замътить одно. Выраженіе: «арендаторы чужой земли» неудобно прежде всего въ томъ смыслъ, что оно вызываетъ въ умъ современнаго читателя представленіе о такихъ имущественныхъ отношеніяхъ, которыя свойственны нынъшнему буржуазному обществу, а не «ростово-суздальской Руси». Крестьяне того времени, конечно, смотръли на свое новое положеніе совсъмъ не буржуазными глазами.

По мъръ того, какъ росли падавшія на нихъ повинности, они покидали старыя земли, бывшія нъкогда ихъ собственностью,—и селились на никъмъ не занятыхъ дикихъ поляхъ. Само собою разумъется, что они переходили на эти земли совсъмъ не для того, чтобы «арендовать» ихъ. Они надъялись сдълать ихъ своими именно потому, что до тъхъ поръ онъ оставались «порозжими». Но вслъдъ за крестьянами являлся княжескій или царскій

¹⁾ И. Энгельманъ. Цит. соч., стр. 14. Водвореніе въ завоеванной землъ московскихъ порядковъ носило тогда чрезвычайно выразительное названіе вы ниманія изъ земли души. (Энгельманъ, тамъ же, стр. 13).
2) Указан. статья, стр. 7.

чиновникъ, объявлявшій вновь занятую землю «государевой» и приимавшій необходимыя мѣры для закрѣпощенія ея новыхъ держателей. Крестьянинъ, стремившійся завладѣть никому не принадлежавшей землею, снова и снова оказывался батракомъ, сидѣвшимъ на чужой землѣ. Такимъ образомъ, то отношеніе, которое изображается теперь, какъ отношеніе «арендатора чужой земли» къ ея собственнику, и на новыхъ земляхъ было зависимостью экспропріированныхъ по отношенію къ экспропріаторамъ. А отсюда слѣдуетъ, что если процессъ экспропріаціи крестьянина очень рано закончился въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверо-восточной Руси, то онъ снова и снова возникалъ въ другихъ ея мѣстностяхъ вмѣстѣ съ распространеніемъ власти московскихъ государей.

Далъе. Постоянный ростъ лежавшихъ на крестьянской землъ повинностей велъ къ тому, что тъ изъ крестьянъ, которые, оказавшись вынужденными покинуть свои старыя гнъзда, не находили «порозжихъ» земель, или же не имъли матеріальной возможности завести на нихъ самостоятельное хозяйство, устраивались на различныхъ договорныхъ условіяхъ въ имъніяхъ болье или менье крупныхъ землевладъльцевъ, свътскихъ или духовныхъ. Это явленіе опять можетъ быть изображено, какъ развитіе крестьянской «аренды на чужой землъ» 1). Но и его нельзя разсматривать съ точки зрънія нынъшнихъ имущественныхъ отношеній. При томъ же очевидно, что это явленіе было производнымъ: крестьянинъ яви дся въ ви дъ «свободнаго арендатора чужой земли» лишь послътого, какъ попечительное государство лишило его возможности оставаться на землъ, которая была нъкогда его собственной.

IV

Сошлюсь на страну, которая была по меньшей мъръ столь же русской, какъ и Московская Русь. Я имъю въ виду Русь Литовско, какъ и Московская Русь. Я имъю въ виду Русь Литовскую. М. Ф. Владимирскій-Будановъ говорить, что тяглецы, составлявшіе главный земледъльческій классъ въ литовско-русскомъ государствъ, считались коренными владъльцами своей земли—отчичами. Повинности, лежавшія на тяглецахъ, отнюдь не означали, по словамъ названнаго историка, что люди эти или ихъ имущество составляютъ частную собственность казны или пановъ, совершенно такъ же, какъ «отчины» служилаго класса, обложенныя военной службою, еще не были, вслъдствіе этого обложенія, собственностью великаго князя. «Земля, занятая крестьянами,—говоритъ М. Ф. Владимирскій-Будановъ,—не есть земля казенная или панская, лишь арен-

¹⁾ Замъчу гг. историкамъ, что арендовать можно именно только чужую землю. Политической экономіи совершенно неизвъстна такая категорія, какъ арендаторъ своей собственной земли.

дуемая крестьянами на срокъ; повинности, которыми они обязаны и подати, которыя они уплачиваютъ казнѣ или пану, не составляютъ арендной платы, а суть повинности въ обоихъ случаяхъ государственно-частныя. Земля составляетъ вѣчное и потомственное владѣніе крестьянъ 1).

Западно-русскій крестьянинъ очень хорошо сознаетъ свое право на землю. Онъ называетъ свое владъніе своею отчизною или купленною, смотря по тому, какимъ путемъ она ему досталась. По замъчанію М. В. Владимирскаго-Буданова, тъми же самыми терминами обозначалось право собственности вообще всъхъ другихъ лицъ въ государствъ 2). Крестьянинъ ничъмъ не отличался отъ всъхъ другихъ лицъ въ правъ распоряженія своей землею. «Какъ на государственныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ, -- продолжаетъ тотъ же изслъдователь, крестьянамъ принадлежали всъ тъ права пріобрътенія и распоряженія имуществами, какія вообще были тогда доступны частнымъ лицамъ... А именно: имъ принадлежало право наслъдованія законнаго и завъщательнаго, которое, однако, подлежало контролю государства со стороны правильности отправленія повинностей в); они пріобрътали земли черезъ обработку (оккупацію, въ древне-русскомъ смыслѣ этого понятія), черезъ куплю-продажу и залогъ, какъ между лицами тяглаго состоянія, такъ и отъ лицъ прочихъ состояній, черезъ дарованіе отъ государства (центральной и провинціальной властей). Столь же обширны были и права распоряженія землею, принадлежавшія крестьянамъ; они могли продавать свои участки какъ лицамъ тяглаго состоянія, такъ и лицамъ другихъ сословій; могли сдавать и мѣнять; могли отдавать въ заставу; крестьянскіе участки могли итти въ удовлетвореніе по ихъ частнымъ обязательствамъ; всѣ упомянутыя права подлежатъ обыкновеннымъ тогдашнимъ ограниченіямъ, истекающимъ изъ повинностнаго характера всъхъ имуществъ; всъ права пользованія (сдача земель въ наемъ, т.-е. аренда) принадлежатъ крестьянамъ безъ ограниченій» 4).

Послѣ этого трудно, кажется, оставаться въ какомъ-нибудь сомнѣніи насчетъ того, были ли нѣкогда западно-русскіе крестьяне собственниками обрабатываемой ими земли: ясно, что—были. Проф. Владимирскій-Будановъ указываетъ и на ту эпоху, когда начался постепенный процессъ экспропріаціи западно-русскихъ крестьянъ. Этой эпохой былъ XVI вѣкъ. Въ 1539 г. гродненскій подстароста

¹⁾ Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права. III. "Крестьянское землевладъніе въ западной Россіи до половины XVI въка". Кіевъ, 1893 года, стр. 26.

²⁾ Тамъ же, стр. 27.

⁸) Надо замътить, что подобному же контролю подлежало и право наслъдованія служилаго сословія. М. Ф. Влад.-Будановъ находитъ даже, что государство больше ограничивало права этого послъдняго, нежели права крестьянъ.

Г. П.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 30—31.—Ср. также М. Довнаръ-Запольскаго: "Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкъ". Кіевъ, 1905 г., стр. 136 и слъд.

заявиль въ своемъ приговоръ по поводу всегда практиковавшейся прежде продажи земли однимъ крестьяниномъ другому, что «мужикъ простый не маетъ моцы земли господарской (т.-е. велико-княжеской. Г. П.) обель продавати» 1). Стало быть, уже въ первой половинъ XVI въка высшее сословіе литовскорусскаго государства начинаетъ смотръть на крестьянскую землю, какъ на «господарскую» собственность. Но въ то время взглядъ этотъ, по словамъ проф. Владимирскаго-Буданова, былъ еще далекъ отъ полнаго практическаго осуществленія.

теждио, значило учакопистучесь частичную

Сказанное вполнъ достаточно для утвержденія того, что ограничить освобожденіе крестьянъ возстановленіемъ когда-то милостиво предоставленнаго имъ права перехода отъ одного помъщика къ другому, значило увъковъчить ту экспропріацію, которой они подверглись со стороны государства, находившагося въ рукахъ высшаго сословія. Извъстно, что въ Россіи освобожденіе крестьянъ не было ихъ обезземеленіемъ. За ними осталась часть той земли, которая находилась въ ихъ пользованіи при крупостномъ праву (другая часть отошла къ помъщикамъ: знаменитыя «отръзки»). На этомъ основаніи ніжоторые публицисты, не въ мітру склонные къ оптимизму, утверждали даже, что россійскій способъ уничтоженія кръпостного права представляеть собою нъчто невиданное въ исторіи. Въ другихъ странахъ, -- говорили эти публицисты, -- крестьяне были освобождены безъ земли, а у насъ они получили земельные надълы. Но это новое противопоставление Россіи Западу есть не что иное, какъ чувствительный вздоръ на славянофильской подкладкъ.

Начать съ того, что «гнилой Западъ» тоже очень хорошо зналъ освобожденіе крестьянъ съ землею. Если не справедлива та легенда, согласно которой Великая революція создала во Франціи мелкую земельную собственность, то еще болѣе несправедливо было бы утверждать, что революція эта, безъ выкупа уничтожившая всѣ феодальныя повинности, обезземелила крестьянина. Въ Пруссіи крестьянинъ тоже былъ освобожденъ съ землею. Правда, тамъ, какъ говоритъ Кнаппъ, крестьянамъ пришлось уступить значительную часть принадлежавшей къ ихъ дворамъ земли или принять на себя большіе рентные долги. «Слѣдовательно,—заключаетъ онъ,—часть имущества всѣхъ крестьянъ, соотвѣтствующая разницѣ между ихъ прежними повинностями и правами по отношенію къ господину, отошла въ собственность помѣщиковъ» 2). Но этимъ трудно удивить русскаго человѣка, знающаго, что нашимъ крестьянамъ пришлось

1) Тамъ же, стр. 62. Курсивъ автора.

^{2) &}quot;Освобожденіе крестьянъ на Западъ и исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи". Статьи изъ Handwörterbuch der Staatwissenschaften. Москва, 1897, стр. 211.

не только уступить часть своего имущества помѣщикамъ, но кромѣ того, еще заплатить выкупъ за землю, которую эти послѣдніе оставили въ ихъ распоряженіи. Въ Австріи освобожденіе крестьянъ тоже не было куплено цѣною ихъ полнаго обезземеленія. Не знала обезземеленія и Баварія. Сказаніе объ освобожденіи западнаго крестьянина безъ земли вполнѣ примѣнимо развѣ только въ Англіи. Значитъ и на Западѣ такое освобожденіе является исключеніемъ, а не правиломъ.

Это не все. Я уже сказалъ, что русскимъ крестьянамъ пришлось при своемъ освобожденіи уступить своимъ бывшимъ господамъ часть своихъ земель, заплативъ имъ выкупъ за остальныя. Теперь я прибавлю, что отдать крестьянамъ лишь часть того, что имъ когда-то принадлежало, значило узаконить ихъ частичную экспропріацію. А заставить ихъ заплатить выкупъ за остальныя земли, значило и на эти земли распространить экспропріацію, только придавъ ей другой видъ.

Наконецъ, если противопоставленіе Россіи Западу имъетъ здъсь какой-нибудь смыслъ, то лишь въ одномъ отношении: нигдъ выкупъ, заплаченный крестьянами за свои земли, не былъ такъ несоразмърно высокъ, какъ въ Россіи. Русскіе крестьяне заплатили за свою землю значительно больше, чъмъ она стоила. Но заставить человъка заплатить за свою же собственность значительно больше, чѣмъ она стоитъ, значитъ возвести экспропріацію въ квадратъ. Наше пресловутое освобождение крестьянъ съ землею породило въ экономической жизни крестьянства такое явленіе, передъ которымъ въ недоумъніи развели бы руками ръшительно всъ экономисты лукаваго Запада. Это вполнъ самобытное явленіе чрезвычайно ярко выразилось въ слъдующемъ удивительномъ документъ, опубликованномъ статистикомъ Орловымъ: «1874 года. Ноября 13. Я, нижеподписавшійся, Московской губерніи, Волоколамскаго у взда, деревни Курвиной, далъ сію росписку своему обществу крестьянъ деревни Курвиной въ томъ, что я, Григорьевъ, отдаю въ общественное пользованіе землею надълъ на три души, за что я, Григорьевъ, обязываюсь уплачивать въ годъ 21 руб. и означенныя деньги долженъ высылать ежегодно къ первому апръля, кромъ паспортовъ, на которые я долженъ высылать особо, также на посылку оныхъ, въ чемъ и подписуюсь».

Вы видите: человъкъ передаетъ въ распоряжение общества свою землю (надълъ на цълыхъ три души), «за что» и обязуется платить ему ежегодно 21 руб. Это, такъ сказать, отрицательная поземельная рента, составляющая минусъ столько-то рублей. Я говорю: «столько-то», а не 21 рубль потому, что приведенный мною документъ увъковъчивалъ далеко не единичное явление. По разсчету Орлова, въ двънадцати уъздахъ Московской губерни платежи, лежавше на душевомъ надълъ, равнялись въ среднемъ 10 руб. 45 коп., тогда какъ средняя арендная цъна того же не превышала 3 руб. 60 коп. Стало быть рента владъльца душевого надъла составляла минусъ 6 руб. 85 коп. Добросовъстный статистикъ старательно

избъгалъ всякихъ преувеличеній. Онъ оговаривался: «Встрѣчаются, конечно, и такіе случаи, когда надѣлъ сдается по цѣнѣ, окупающей лежащіе на немъ платежи, но такіе случаи крайне рѣдки, а потому ихъ можно считать исключеніемъ, общимъ же правиломъ является большая или меньшая приплата къ арендной цѣнѣ надѣла» ¹). Такъ было въ концѣ 70-хъ гг., когда развитіе народнаго хозяйства и повышеніе доходности земли значительно подняло арендныя цѣны. Какъ же велика была отрицательная рента «освобожденнаго» крестьянства раньше?! И замѣтьте, такъ было только въ Московской губерніи. Сопоставляя данныя, собранныя въ ХХІІ т. Трудовъ податной комиссіи, съ данными, заключающимися въ докладѣ комиссіи сельско-хозяйственной, г. Николай — онъ пришелъ въ своемъ извъстномъ трудѣ»: «Очерки нашего пореформеннаго хозяйства» къ такому выводу:

«Государственные и удъльные крестьяне въ 37 губерніяхъ (не считая, слъд., западныхъ) Европейской Россіи платятъ изъ чистаго дохода, даваемаго землею, 92,75%, т.-е. на всякія нужды изъ земельнаго дохода имъ остается 7,25%. Платежи же бывшихъ помъщичьихъ крестьянъ по отношенію къ чистому доходу съ ихъ земли выражаются 198,25%,—т.-е. они не только отдаютъ весь свой доходъ съ земли, но должны еще приплачивать столько же изъ стороннихъ заработковъ».

Это средніе выводы, стирающіе краски съ отдѣльныхъ конкретныхъ явленій. Поэтому я приведу нѣсколько такихъ явленій въ ихъ чистомъ видѣ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ Новгородской губерніи «платежи съ десятины земли для отдѣльныхъ группъ плательщиковъ, по отношенію ихъ къ нормальному доходу съ этихъ земель», около того же времени составляли:

«Съ	земель	кр	естьянъ государ	СТЕ	ен	ны	хъ			160º/o
			естьянъ - собств							The Land Street
			удѣльныхъ							1610/0
			помѣщичьихъ							
			обязанныхъ .							

«При неблагопріятныхъ же условіяхъ (какъ будто только что названныя условія можно назвать благопріятными! Г. П.), т.-е. при дополнительныхъ платежахъ съ крестьянъ-собственниковъ, при малыхъ надълахъ и при высокихъ общихъ повинностяхъ для временно-обязанныхъ крестьянъ, платежи эти достигаютъ:

«для	выкупившихся	крестьянъ	до					275º/o
	временно-обяза			,				5650/o» 2).

Вдумываясь въ эти отдъльныя цифры и въ общіе выводы, невольно вспоминаешь Н. Г. Чернышевскаго. Конечно, мы скажемъ теперь,

^{1) &}quot;Сборникъ статистическихъ свъдъній по Московской губ.", отдълъ хозяйственной статистики, т. IV, вып. І. Москва. 1879, стр., 203—204.

^{2) &}quot;Докладъ Высочайше утвержденной комиссіи для изслъдованія нынъшияго положенія сельскаго хозяйства", отд. III. стр. 6.

какъ говоритъ у него Волгинъ: «Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него». Говоря это, Волгинъ имѣлъ въ виду либеральную интеллигенцію, которую онъ тутъ же обозвалъ хвастливой и глупой. Но, вѣдь, освобождала-то крестьянъ вовсе не эта интеллигенція: она только «хлопотала» вокругъ освобожденія. Крѣпостное право отмѣнено было людьми, имѣвшими весьма мало общаго съ либеральными интеллигентами. Мы сейчасъ увидимъ, что эти люди, съ своей точки зрѣнія, дѣйствовали довольно умно. А пока замѣтимъ, что заслуживаетъ величайшаго удивленія и уваженія проницательность нашего великаго публициста, уже въ концѣ 1858 г. хорошо понявшаго, какъ неблагопріятны были тѣ условія, при которыхъ русскій крестьянинъ становился «освобожденнымъ землетадѣльцемъ».

VI.

Теперь посмотримъ, какъ сложились тѣ общественныя отношенія, которыя опредѣлили собою «ходъ и исходъ» крестьянскаго освобожденія. Для этого намъ надо возстановить въ своей памяти еще нѣкоторыя другія черты того процесса, который привелъ къ возникновенію крѣпостного права въ Россіи.

Я сказалъ, что Кіевская Русь не знала кръпостного права, хотя знала рабовладъніе. Рабовладъніе перешло какъ въ Литовскую Русь (невольная челядь, невольники), такъ и въ Московское государство (холопы). Но въ теченіе очень долгаго времени законодательство и здъсь, и тамъ ръзко отличало крестьянина отъ раба. Въ великой Россіи только Петръ I вполнъ сравнялъ безправіе крестьянъ съ безправіемъ холоповъ 1). Но уже задолго до Петра великорусскій крестьянинъ попалъ въ тяжелую зависимость отъ помъщика. Много спорили о томъ, существовалъ ли въ дъйствительности тотъ указъ 1592 г., къ которому прежніе историки пріурочивали прикрѣпленіе великорусскаго крестьянства. Върнъе, что не существовалъ. Но намъ извъстенъ указъ 1597 г., запрещающій помъщикамъ возвращать себъ крестьянъ, бъжавшихъ отъ нихъ за пять и болье лътъ до него. Этотъ указъ представляетъ собою важное свидътельство въ пользу той мысли, что въ концъ XVI в., по крайней мъръ часть великорусскихъ крестьянъ была de facto «кръпка» помъщикамъ.

Такъ какъ изъ борьбы Литвы съ Москвою побъдительницей вышла, въ концъ концовъ, эта послъдняя, и такъ какъ великор сская побъдительница, прорубивъ «окно въ Европу» и превратившись въ

¹⁾ Въ Литвъ статутъ 1588 г. (III, ст. XII, 21) постановляетъ: "Невольники впередъ не маютъ быти з инъшихъ причинъ, одно полоненики", всю же остальную "челядь невольную", а также и дътей полонениковъ онъ предписываетъ осаживать на земляхъ, и они должны "розумены быти за отчичовъ", т.-е. они переходятъ въ разрядъ кръпостныхъ [И. И. Лапно. Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія люблинской уніи до см. Ст. Баторія (1569—1586). Т. І. Спб., 1901. стр. 443]. И. И. Лаппо замъчаетъ, что "невольники" встръчаются на Литвъ и въ XVIII в.

Росссійскую имперію, мало-по-малу распространила свои порядки на всѣ русскія земли, за исключеніемъ восточной Галиціи, то въ по-слѣдующемъ изложеніи я буду имѣть преимущественно порядки Московскаго государства.

Какъ сказано выше, въ этомъ государствъ довольно рано совершилась экспропріація крестьянъ. Присвоивъ себъ крестьянскую землю, государство и землевладъльцы должны были позаботиться о томъ, чтобы обезпечить себя рабочими руками. При тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ это возможно было только путемъ прикръпленія крестьянина къ землъ. Проф. М. Любавскій говоритъ — и у насъ нътъ никакого основанія сомнъваться въ правильности его словъ, - что въ этомъ отношеніи подали примъръ еще князья удъльной эпохи. «Въ ихъ договорныхъ грамотахъ постоянно встръчаемъ условіе не перезывать и не принимать другъ отъ друга людей, которые потягли къ соцкому, тяглыхъ или письменныхъ. Точно также князья стали препятствовать и уходу своихъ тяглыхъ людей въ боярскія и монастырскія вотчины» 1). Оно и неудивительно. Развитіе помъстной системы въ государствъ естественно должно было вызывать новыя и новыя попытки къ ограниченію права перехода, обезпеченнаго за крестьянами даже судебникомъ Ивана III 2). Уже въ серединъ XVI в., — ровно за 40 лътъ до предполагаемаго указа 1592 г., который будто бы сразу уничтожилъ свободу крестьянскаго перехода, —мы встръчаемъ грамоты, вродъ уставной Важской грамоты 1552 г., которая предоставляетъ посадскимъ волостнымъ людямъ «на пустые мъста дворовые на посадъ и въ станъхъ и въ волостъхъ, въ пустые деревни и на пустоши и на старые селища хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдъ кто въ которой деревни жилъ прежде того». Въ жалованныхъ грамотахъ Строганова 1564 — 1568 гг. запрещается принимать къ себъ «тяглыхъ людей письменныхъ» и предписывается отсылать такихъ людей на прежнія мъста жительства по требованію мъстныхъ властей ^в). Параллельно съ такими ограничительными распоряженіями дъйствовала задолженность крестьянъ по отношенію къ пом'вщикамъ. Арендуя «чужую» землю (мы уже знаемъ, какъ сдълалась она чужою), крестьянинъ бралъ у помъщика извъстную ссуду, которую онъ непремънно обязанъ былъ возвратить, если хотълъ воспользоваться своимъ правомъ

^{1) &}quot;Великая реформа", т. І, стр. 9.

²⁾ По этому судебнику крестьянскій переходъ ограничивался двумя недълями: недълей, предшествующей осеннему Юрьевому дню (26 ноября), и недълей, слъдующей за нимъ. Въ Псковской землъ днемъ, къ которому пріурочивался крестьянскій выходъ, было Филиппово заговънье (14 ноября).

 $^{^{3}}$) М. Дьяконовъ. Очерки изъ ист. сельск. населенія въ Моск. государствъ (XVI—XVII вв.), стр. 6—7, въ XII вып. Лѣтописи занятій археографической комассіи за 1895—1899 г.

И. Энгельманъ разсказываетъ, что "еще за 150 лѣтъ до общаго запрещенія крестьянскихъ переходовъ, знаменитый Троицко-Сергіевъ монастырь получилъ привилегію не отпускать своихъ крестьянъ" (стр. 55). Наше духовенство никогда себя не забывало.

перехода. Ссудная запись гласила, что если крестьянинъ уйдетъ отъ помъщика, не расплатившись съ нимъ, то землевладълецъ можетъ взыскать съ него не только свою ссуду, но и неустойку «за убытки и за волокиту». Потомъ стало прибавляться новое условіе: крестьянинъ говорилъ, что землевладълецъ можетъ его отовсюду къ себъ взять. Такимъ образомъ, ссуда мало-по-малу привела къ обязательству «жить во крестьянствъ въчно и никуды не сбъжать». Ограничивая право крестьянскаго перехода, законодательство только давало юридическое выражение факту экономической зависимости 1).

Не вдаваясь въ подробности, которыя были бы здъсь неумъстны отмѣчу лишь главнъйшіе этапы развитія кръпостного права. Уложеніе царя Алексъя Михайловича признало крестьянскую кръпость наслъдственной и распространило ее на всъхъ членовъ семьи, между тъмъ какъ прежде договоръ, заключенный крестьяниномъ съ помъщикомъ, былъ обязателенъ только для лица, заключившаго этотъ договоръ, и для того изъ его сыновей, который наслъдовалъ ему въ его имущественныхъ правахъ. Указъ 1658 г. объявилъ побъгъ крестьянъ уголовнымъ преступленіемъ и, по Московскому обыкновенію, назначилъ за такое «воровство» наказаніе кнутомъ. Петръ I объединилъ крестьянъ съ холопами въ одну категорію «подданныхъ» (указъ 5 января 1720 г.). Дочь Великаго Петра-кроткая Елизавета немедленно по своемъ восшествіи на престолъ постановила, что кръпостные крестьяне не должны приносить върноподданническую присягу, такъ какъ за нихъ отвъчаютъ помъщики, являющіеся по отношенію къ нимъ представителями верховной власти. Она же (указами отъ 13 декабря 1760 г. и отъ 15 мая 1761 г.) дала помъщикамъ право ссылать своихъ крестьянъ въ Сибирь за «дерзостные поступки». Просвъщенная сторонница философскихъ французскихъ идей, Екатерина II, дополнила эту мъру указомъ 17 января 1765 г., который давалъ помъщикамъ право ссылать кръпостныхъ въ каторжныя работы, а адмиралтейству предписывалъ принимать ихъ безпрекословно наравнъ съ арестантами, осужденными правительственнымъ судомъ, и возвращать назадъ по первому требованію помъщиковъ. Въ маъ 1783 г. она распространила кръпостное право на малороссійскія губернія. Ея сынъ, Павелъ, сдълалъ то же по отношенію къ Новой Россіи, «дабы одиножды на всегда водворить въ помянутыхъ мъстахъ по сей части порядокъ и утвердить въ въчность собственность каждаго владъльца». И. Энгельманъ, приведя этотъ указъ, справедливо говоритъ, что онъ явился послъднимъ штрихомъ въ мрачной картинъ кръпостного права 2).

Сенатъ просилъ Павла I разръшить малороссійскимъ помъщикамъ продажу крестьянъ отдъльно отъ земли. Эксцентричный императоръ не согласился на это. Онъ собственноручно написалъ: «Кръпостные не должны продаваться независимо отъ земли, на которой живутъ» ⁸). Но это его постановленіе было разъяснено въ томъ

Ср. В. Ключевскаго— "Курсъ Русской Исторіи", ч. III, стр. 219—220.
 Назв. соч, стр. 179.
 Библіотека Декабристовъ. Вып. V. Спб. 1907, стр. 61.

смыслъ, что имъ запрещалась продажа крестьянъ только въ одной Малороссіи. Такимъ образомъ, оно узаконяло продажу крестьянъ безъ земли во всъхъ остальныхъ частяхъ Россіи. Н. Тургеневъ говоритъ, что въ царствованіе Александра I «человъческое мясо» продавалось въ зданіи судебныхъ учрежденій Петербурга противъ оконъ Императора. «Когда продаютъ имущество банкрота, если онъ владълъ кръпостными, эти крѣпостные непремѣнно продаются съ публичнаго торга, какъ все, что ему принадлежало. Почти въ то время, о которомъ мы говоримъ, одна старая женщина была такимъ образомъ продана за два съ половиною рубля» 1). Въ газетахъ очень часто появлялись объявленія вродъ слъдующихъ: «Продается малосольная осетрина, 7 сивыхъ мериновъ и мужъ съ женою»; «Продается парикмахеръ, да сверхъ того 4 кровати, перина и прочій домашній скарбъ»; «Продается 16 лътъ дъвка весьма добраго поведенія и немного поъзженная карета»; «Продается поваръ, кучеръ и попугай». Этого мало. На ярмарки крестьянъ привозятъ цълыми баржами и продаютъ ихъ тамъ для вывоза на Востокъ. Православно-дворянская Русь выступаетъ въ роли поставщицы невольничьяго товара для мусульманской Средней Азіи 2). Дальше этого итти было некуда. Наша хваленая самобытность выразилась въ томъ, что ужасы кръпостного права далеко оставили за собою все то, что было извъстно по этой части лукавому европейскому Западу.

И чѣмъ больше развивалось денежное хозяйство, тѣмъ безпощаднѣе становилась эксплоатація крестьянъ помѣщиками, такъ какъ тѣмъ легче было этимъ послѣднимъ продавать выбитый изъ своихъ «подданныхъ» прибавочный продуктъ.

VII

Профессоръ и академикъ Никитенко, самъ вышедшій изъ крѣпостной среды, говоритъ въ своемъ дневникѣ, что, повелѣвая рабами,
наши помѣщики сами пребывали въ рабствѣ. Это, разумѣется, такъ.
Московское государство не любило церемониться даже съ тѣми элементами своего населенія, которые составляли правящій классъ. Здѣсь
не мѣсто строить догадки о причинахъ, приведшихъ къ тому, что
судьба служилаго сословія въ Московской Руси оказалась столь не
похожей,—по крайней мѣрѣ въ ея отношеніи къ центральной власти,—на судьбу того же сословія въ западно-русскихъ земляхъ.
Достаточно указать на фактъ огромнаго несходства. Между тѣмъ
какъ служилое сословіе Литовско-Русскаго государства пріобрѣтаетъ
одно право за другимъ, московскіе служилые люди все болѣе и болѣе превращаются въ «государевыхъ холоповъ». Этимъ «холопствомъ» служилаго сословія въ Московскомъ государствѣ объясняется

^{1) &}quot;Тамъ же, стр. 66.
2) С. П. Мельгуновъ. "Дворянинъ и рабъ на рубежѣ XIX в." въ сборникъ "Великая Реформа", т. I, стр. 248 и 249.

между прочимъ и то, что западно-русская шляхта такъ сильно тяготъла къ католической Польшъ, такъ упорно отворачиваясь въ то же время отъ православной Москвы. Тяжелыя историческія условія и значительная экономическая отсталость заставили Москву на государственной службъ даже тъхъ, которые закрѣпостить жили кръпостнымъ трудомъ крестьянства. Вотчинное землевладъние все болъе и болъе отступало передъ помъстнымъ. Но когда Московское государство превратилось въ Россійскую имперію и когда дворянская гвардія стала распоряжаться въ XVIII в. судьбою трона, началось постепенное раскръпощение служилаго сословія, превратившагося тъмъ временемъ въ Россійское шляхетство, а затъмъ въ благородное россійское дворянство. Проф. В. О. Ключевскій указываетъ, что почти всѣ правительства, смѣнявшіяся со смерти Петра I до воцаренія Екатерины II, включительно, были дъломъ гвардіи: съ ея участіемъ въ 37 лътъ произошло 5 или 6 переворотовъ. «Петербургская гвардейская казарма явилась соперницей Сената и Верховнаго Тайнаго Совъта, преемницей Московскаго Земскаго Собора» 1). Это не могло не отразиться на положении дворянскаго сословія въ государствъ. Въ высшей степени замъчательно, что процессъ раскръпощенія нашего дворянства начался въ царствованіе той же самой императрицы, которая обязана была дворянской гвардіи своими побъдами надъ конституціонными вождельніями «верховниковъ». Указомъ 31 декабря 1736 г. Анна Ивановна ограничила срокъ обязательной дворянской службы 25 годами и предоставила отцамъ изъ двухъ или болъе сыновей одного удерживать для хозяйства. Хотя дъйствіе этого указа было впослъдствіи нъсколько ограничено, но его возстановила императрица Елизавета, тоже, какъ извъстно, многимъ обязанная дворянской гвардіи. Наконецъ, Петръ III совершенно освободилъ дворянъ отъ обязательной службы своимъ извъстнымъ манифестомъ 18 февраля 1762 г. «Преемница Московскаго Земскаго Собора» немедленно отблагодарила его за это новымъ переворотомъ, посадивши на престолъ его супругу. Если это новое «дъйство» не свидътельствовало о значительномъ развитіи чувства благодарности въ доблестномъ россійскомъ дворянствъ, то это оказалось весьма цълесообразнымъ съ точки зрънія развитія дальнъйшихъ дворянскихъ правъ и преимуществъ. Какъ ни охотно «грабила» (ея собственное выраженіе) Екатерина II въ своихъ писаніяхъ Монтескьё и другихъ французскихъ писателей XVIII в., она никогда не забывала, кому была обязана своей властью. Усиливъ и распространивъ кръпостную зависимость крестьянъ, она дополнила раскръпощение дворянства жалованной грамотой 1785 г.

«Подтверждаемъ на въчныя времена, -- гласила грамота, -- въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольность и свободу. Подтверждаемъ благороднымъ, находящимся на службъ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по

сдъланнымъ на то правиламъ».

¹⁾ Курсъ Русск. Ист., ч. IV, стр. 352.

Внятный языкъ! Жалованная грамота, возвъстившая въ XVIII в. окончательное раскръпощеніе дворянскаго сословія, вообще написана гораздо болъе внятно, нежели манифестъ, провозгласившій уничтоженіе крѣпостного права у крестьянъ въ 61-мъ году слѣдующаго столътія. Да оно и не удивительно. Положеніе, которое узаконялось этой грамотой, было гораздо болъе ясно, нежели то положение, которое было создано освобожденіемъ крестьянъ. А главное — жалованная грамота XVIII в. давала освобождаемымъ дворянамъ несравненно больше, нежели далъ бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ манифестъ 1861 г. Я сказалъ, что въ Московскомъ государствъ вотчинное землевладъніе постепенно замънилось помъстнымъ. Когда началось раскръпощение дворянства, помъстья стали приравниваться къ вотчинамъ. Но помъстье давалось за службу. У не-служащихъ дворянъ государство должно было бы, если бы оно осталось върнымъ логикъ Московскаго государства, отобрать помъстья въ казну. Вмъсто этого они объявлены были ихъ непререкаемой собственностью. И за это дворяне не заплатили казнъ ни одной копейки. Правительство даромъ отдало имъ въ полную собственность тъ земли, которыя въ теченіе цълыхъ стольтій (посль экспропріаціи крестьянства) считались принадлежавшими государству. Какъ не похоже это на надъление «освобожденныхъ» въ 1861 году крестьянъ той землей (т.-е., върнъе, частью той земли), которая нъкогда имъ принадлежала и за которую они заплатили гораздо больше, чъмъ она стоила!

notunocrinors, cory nymen senses, illy

Крестьянинъ Московской Руси не всегда терпъливо несъ доставшуюся ему тяжелую долю. Это доказывается какъ смутнымъ временемъ, такъ и многочисленными народными волненіями въ царствовеніе Алексъ́я Михайловича, особенно возстаніемъ Степана Разина. Но какъ ни тяжело было тогдашнему крестьянину, ему все-таки ясна была логика московскаго правительства. Онъ, «государевъ сирота» попалъ въ крѣпостную зависимость по отношенію къ помѣщику. Но зато помѣщикъ былъ закрѣпощенъ государству, превратившись въ «государева холопа». Крѣпостная зависимость одного сословія дополнялась кръпостной зависимостью другого сословія, какъ бы объясняясь и оправдываясь ею. Но когда дворянство было освобождено отъ обязательной службы государству, крестьянинъ сталъ смотръть на свою зависимость по отношенію къ помъщику, какъ на одну сплошную несправедливость. Извъстно, что манифестъ 18 февраля 1762 г. вызвалъ въ крестьянахъ ожиданіе свободы Тотчасъ же по своемъ вступленіи на престоль, Екатерина отвътила на эти ожиданія указомъ, который гласилъ: «Понеже благосостояніе государства, согласно божескимъ и всенароднымъ узаконеніямъ, требуетъ, чтобы всъ и каждый при своихъ благонажитыхъ имъніяхъ и правостяхъ сохраняемъ былъ, такъ какъ и напротивъ того, чтобы никто не выступалъ изъ предъловъ своего званія и должности, то и намърены мы помъщиковъ при ихъ имъніяхъ и владъніяхъ ненарушимо сохранять, и крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать» 1). Программа новаго царствованія была ясно намѣчена съ самыхъ первыхъ его шаговъ²). Но крестьянинъ по-прежнему не понималъ этой программы. Онъ отвъчалъ на нее многочисленными волненіями, которыя слились, наконецъ, въ широкій потокъ пугачевскаго бунта. Хорошо усвоивши себъ логику помъстнаго права, «государевъ сирота» не только отказывался теперь признать законность своей крѣпостной зивисимости по отношенію къ бывшему «государеву холопу», но и обнаруживалъ весьма непріятный для господствовавшаго сословія взглядъ на пом'єщичьи земли. Если помъщичье землевладъніе прежде было необходимымъ условіемъ исправнаго отбыванія службы «государевыми холопами», то теперь, послѣ освобожденія этихъ «холоповъ», у «государевыхъ сиротъ» не выходилъ изъ головы вопросъ: почему же земля остается въ рукахъ помѣщиковъ? Для этого факта «государевъ сирота», вѣрный аграрной традиціи Московскаго государства, не находилъ ръшительно никакого оправданія. Поэтому онъ не могъ представить себъ свое освобожденіе отъ пом'вщичьей власти иначе, какъ освобожденіе съ землею.

Интересно, что горячій поклонникъ общественнаго быта Московской Руси, славянофилъ К. С. Аксаковъ, признавалъ, что въ данномъ случаѣ «государевъ сирота» правъ. Въ концѣ 1857 г. онъ писалъ Хомякову, что крестьянину «нужно не уничтоженіе названія крѣпостного... ему нужна земля, обезпеченіе земли, которую онъ считаетъ своею, и которою владѣетъ онъ и при помѣщичьей власти, какъ своею... Пока вопросъ о собственности не рѣшался, помѣщикъ могъ считать землю своею, а крестьянинъ—своею и на дѣлѣ жить мирно, оставаясь каждый при своемъ убѣжденіи... Но какъ скоро подымается рѣшительный вопросъ: чья земля?—крестьянинъ скажетъ: моя—и будетъ правъ, по крайней мѣрѣ болѣе, чѣмъ помѣщикъ» вопросъ воправъ, по крайней

IX.

«Государевъ сирота» тѣмъ болѣе укръплялся въ правильности своего убѣжденія насчетъ незаконности помѣщичьяго землевладѣнія, что правительство Россійской имперіи продолжало весьма широко держаться аграрной политики Московскаго царства. Установивъ тотъ принципъ, что всякій членъ податного сословія долженъ платить подушную подать, петербургское правительство прекрасно понимало, что средства на уплату этой подати будутъ извлекаться изъ той же самой земли, которая была главнымъ предметомъ

¹⁾ С. М. Соловьевъ. "Ист. Россіи съ древнъйшихъ временъ". Кн. 5-я. Т. XXV, стр. 1361—1362.

²⁾ Указъ подписанъ 3 іюля 1862 г. Екатерина вс. упила на престолъ 22 іюня того же года.

⁸⁾ В. И. Семевскій. Крест. вопр. Т. II, стр. 418.

обложенія въ Московскомъ государствъ. Поэтому распредъленіе земли по душамъ между крестьянами казеннаго въдомства сдълалось сознательной цълью его поземельной политики.

«Постановка вопроса о поземельномъ надѣлѣ крестьянъ на широкой государственной основѣ,—говоритъ В. І. Якушкинъ,—приводила къ тому, что за всякимъ крестьяниномъ, всякимъ лицомъ, состоящимъ въ крестьянствѣ, признавалось неотъемлемое право на поземельный надѣлъ: если выдавался случай, что кто-либо, состоя въ крестьянскомъ званіи, не имѣли «отведенныхъ имъ земель», то по этому поводу возбуждалось дѣло, наводились справки, дѣлались запросы.—Поземельный надѣлъ сталъ такимъ неотъемлемымъ правомъ казеннаго крестьянина, что въ одномъ именномъ указѣ прямо высказано: «каждому поселянину на каждую душу надлежащее число десятинъ годной пашенной земли, луговъ, лѣсовъ—полагается по го с у д а р с т в е н н ы мъ учрежденіямъ» 1).

Я уже указывалъ въ другомъ мѣстѣ, что очень ошибались люди, приписывавшіе наши аграрныя волненія вліянію революціонной пропаганды. Та крестьянская психологія, которою подготовлялись эти волненія, сложилась, несомнѣнно, раньше, чѣмъ появились на Руси революціонеры. Ее создала «исторія государства Россійскаго». Когда крестьянинъ такъ или иначе обнаруживалъ свое убѣжденіе въ томъ, что у помѣщиковъ слѣдуетъ отобрать землю, то онъ нимало не подозрѣвалъ, что этимъ потрясаются какія бы то ни было основы. Онъ былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ революціонныхъ мыслей Напротивъ: онъ считалъ себя «о х р а н и т е л е м ъ», и онъ, на самомъ дѣлѣ, былъ имъ въ томъ смыслѣ, что отстаивалъ старую экономическую основу, на которой выросло и вѣками держалось государство Россійское. Этой психологіей крестьянина объясняются и недавнія аграрныя волненія 1902—06 гг. Ею же объясняется и многое другое въ этихъ событіяхъ; но это мимоходомъ.

Система земельныхъ передъловъ довершилась закръпощеніемъ крестьянъ государству. Она означала собою не то, что земля принадлежитъ крестьянской общинъ, а то, что и земля, и крестьянинъ составляютъ собственность государства. Земельные передълы дополнялись паспортной системой и круговой порукой. Просвъщенная императрица Екатерина II и съ этой стороны явилась наиболъе послъдовательной представительницей кръпостного преданія. Указомъ 19 мая 1769 г. она повелъла: «Въ случать неуплаты крестьянами въ годовой срокъ подушной недоимки, забирать въ города старостъ и выборныхъ, держать подъ карауломъ, употреблять ихъ въ тяжкія городовыя работы безъ платежа заработныхъ денегъ, доколъ вся недоимка заплачена не будетъ».

А. П. Заблоцкій-Десятовскій называетъ этотъ указъ жестокимъ и такъ опредъляетъ его послъдствія для экономическаго быта государственныхъ крестьянъ: «онъ уничтожилъ личную отвътственность плательщика за подать, ввелъ круговую поруку, обратилъ сельскія сво-

¹⁾ Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вв

бодныя общины въ податныя единицы, и податной систем придаваль значеніе постоянной контрибуціи» 1).

Все это такъ. Тутъ, какъ уже сказано, водворилось свое, «казенное», кръпостное право. И крестьянинъ не разъ протестовалъ не только противъ «постоянной контрибуціи», но даже и противъ земельныхъ передъловъ. Однако, государство было сильнъе его. Какъ водится, бунтовщиковъ били плетьми и батогами, ссылали на поселеніе и даже каторжныя работы. Самой высшей степени развитія система эта достигла около половины XIX в., благодаря пресловутому министру государственныхъ имуществъ гр. Киселеву. Одинъ изслъдователь даетъ слъдующую, весьма выпуклую, характеристику установившагося тогда порядка. «Вообразите крупнъйшаго въ міръ помъщика-рабовладъльца. Этотъ рабовладълецъ не кто иной, какъ само государство; графъ Киселевъ-это главный управляющій, министерство государственныхъ имуществъ-его вотчинная контора, а окружные начальники — бурмистры, дъйствующіе на мъстахъ. Ихъ дъйствія подкръплялись зуботычинами, засадкой въ холодную, драньемъ и сверхъ того взиманіемъ «денежной молитвы» 2).

Все именно такъ и было. Только г. Благовъщенскій ошибочно утверждаетъ, будто «ничего подобнаго никогда и нигдъ не было и не могло быть, кромъ Россіи. Нъчто подобное существовало во всъхъ азіатскихъ деспотіяхъ. Напр., въ древнемъ Египтъ, въ Китаъ, въ Персіи и т. д. 8).

X.

Крестьянинъ И. Посошковъ писалъ въ своей «Книгъ о скудости и богатствъ»: «Крестьянамъ помъщики не въковые владъльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ Владълецъ Всероссійскій Самодержецъ, а они владъютъ временно» 4).

«Книга о скудости и богатствъ» была написана еще въ царство-

¹⁾ Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Т. II. Спб., 1882, стр. 30.

²⁾ Н. А. Благовъщенскій. — "Четвертное право". М. 1899, стр. 134.
3) О Китаъ см. книгу Н. И. Кохановскаго: "Землевладъніе и земледъліе въ Китаъ". Владивостокъ, 1909 г., стр. 12 и слъд. (Авторъ опирается главнымъ образомъ на чрезвычайно интересную работу И. Захарова: "Поземельная собственность въ Китаъ", напечат. во ІІ т. Трудовъ членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинъ. Къ сожальнію, мнъ былъ доступенъ только нъмецкій переводъ этой работы, появившійся подъ названіемъ: "Ueber Grundeigenthum in China" въ Arbliten der russischen Gesandschaft in China).

Ср. также Èlisée et Onésime Reclus: "L'Empire du Milieu". Paris, 1902. Pp. 499—503. О Персіи см. Eteocle Lorini: "La Persia, economica contemporanea". Roma, 1900, стр. 217 и слъд. Лорини говоритъ, что земля въ Персіи составляетъ собственность шаха; "феодальнымъ синьорамъ, частнымъ лицамъ, даже религіознымъ корпораціямъ доступно только пользованіе, физическое распоряженіе (la fisica disponibilita); но ихъ право владънія всегда зависитъ отъ произвола монарха, который можетъ упразднить его когда бы то ни было". Это полное торжество идеаловъ генерала Киселева и публициста В. Воронцова.

⁴⁾ Соч. Ивана Посошкова. Изданы М. Гогодинымъ. Москва. 1842 г., стр. 183.

ваніе Петра Великаго, т.-е. въ то время, когда каждое сословіе русскаго государства несло свое крѣпостное тягло. Раскрѣпощеніе дворянства еще болѣе укрѣпило, какъ мы видѣли, въ крестьянахъ то убѣжденіе, что «крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы», и что прямой ихъ владѣлецъ Россійскій Самодержецъ. Какъ ни тяжело было положеніе «казенныхъ» крестьянъ, но помѣщичьимъ крестьянамъ и оно казалось завиднымъ. Многіе изъ нихъмечтали о томъ, чтобы стать «казенными». Чѣмъ туже затягивалась петля крѣпостного права на шеѣ помѣщичьяго крестьянина, тѣмъ нетерпѣливѣе ждалъ онъ отъ царя свое освобожденіе и тѣмъ больше вѣрилъ онъ въ то, что это освобожденіе не за горами. Западнорусскій крестьянинъ, общественно-политическіе взгляды котораго складывались при другихъ историческихъ условіяхъ, очень скоро сошелся въ указанномъ отношеніи съ крестьяниномъ-великоруссомъ. Бѣлорусская пѣсня «Разговоръ Данилы и Сьцѣпана» повѣствуетъ:

Говоряць на свъцъ, у голосъ талкуюць— Атъ ксяндзоу, атъ жидоу—усъ люди чуюць, Што вольнасть намъ, оъднымъ, дастъ Царь безъ откладу, Што только съ панамъ ня найдзе енъ ладу. Чего адны хочуць, то другимъ ня мила. Царь имъ паутара́иць, а яны хитруюць... 1)

Если папы «хитруюць», если ихъ коварствомъ только и держится кръпостное право, то гръшно ли отказать имъ въ повиновеніи тамъ, гдѣ для этого представляется подходящій по крестьянскимъ понятіямъ поводъ? Крестьяне думали, что-нътъ. А разъ они думали такъ, то крестьянскія волненія возникали, можно сказать сами собою. Они усиливались въ началъ каждаго новаго царствованія. Въ одинъ ихъ первыхъ дней по воцареніи Павла І крѣпостные люди скопомъ подали ему на разводъ челобитную, въ которой говорили, что не хотятъ больше служить господамъ, а желаютъ служить самому царю. Результатъ получился такой, какого челобитчики не ожидали единственно по своей крайней наивности. Па велъ приказалъ публично наказать ихъ нещаднымъ образомъ плетьми, чтобы никто другой не отваживался утруждать его такими не-дъльбыми просьбами. Однако, это не помогло. Крестьянскія волненія все нолъе и болъе разгорались. Павелъ вынужденъ былъ издать манифестъ (29 января 1797 г.), въ которомъ убъждалъ крестьянъ обратиться къ должному повиновенію власти, такъ какъ всякая власть поставлена отъ Бога. «Повелъваемъ,—гласилъ манифестъ,—чтобъ всѣ помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне, спокойно пребывая въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ въ оброкахъ, работахъ и, словомъ, всякаго рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости законной наказанія». Но крестьяне не могли быть послушными; волненія продолжались. При вступленіи на престоль

¹⁾ И.И.Игнатовичъ. Помъщичьи крестьяне наканунъ освобожденія. Сиб. 1902 г., стр. 162.

Февраль.

императора Николая I они усилились до того, что правительство опять нашло нужнымъ прибъгнуть къ манифесту. Въ маъ 1826 г. было во всеуслышаніе возвѣщено, что всѣ слухи объ освобожденіи государственныхъ крестьянъ отъ податей, а помъщичьихъ-отъ кръпостной зависимости, были измышлены злонамъренными людьми, и что всякое дальнъйщее неповиновеніе власти поведеть за собою строжайшее наказаніе ослушниковъ ¹). По части наказанія ослушниковъ правительство Николая Павловича умѣло сдержать свое слово. Но это не помогало; волненія все учащались. Въ теченіе названнаго царствованія было 556 волненій, которыя слъдующимъ образомъ распредѣляются по разничнымъ періодамъ:

> Съ 1826—1829 было 41 волненіе " 1830—1834 " " 1835--1839 " " 1840-1844 " 56 " 1840—1844 " " 1845—1849 " " 1850—1864 " " 101 22 172 137

Число волненій нѣсколько уменьшилось въ пятилѣтіе 1850— 1854 г. Однако, слъдуетъ замътить, что во время крымской войны указы о морскомъ ополченіи (3 апрѣля 1854 г.) и о сухопутномъ ополченіи (29 января 1855 г.) вызвали сильнъйшее крестьянское движеніе въ Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, Нижегородской, Рязанской, Владимирской и Кіевской губерніяхъ. Волненія приняли такіе размѣры, что въ Кіевской губерніи собирались толпы крестьянъ до 5.000 человъкъ, и для водворенія порядка туда отправлено было 16 эскадроновъ кавалеріи, 2 роты саперъ, резервный батальонъ и 1 дивизіонъ 3). Все это производило очень сильное впечатлъніе на дворянство и на правительство. «Смоленскій дворянинъ», воспоминанія котораго были напечатаны въ іюльской книжкъ «Русской Старины» за 1895 г., сообщаетъ, что въ 1848 г. въ связи съ революціонными движеніями на Западъ, въ русской провинціи стали распространяться среди помъщиковъ тревожные слухи о крестьянскихъ бунтахъ. Говорили, что недалеко «мужики рѣжутъ помѣщиковъ, и что нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что и у насъ скоро начнется то же самое». Даже дъти были въ томъ же уныломъ настроеніи, въ которомъ были тогда всѣ 4). Этимъ настроеніемъ и подсказана была произнесенная нъсколько лътъ спустя извъстная фраза о томъ, что лучше освободить крестьянъ сверху, нежели дожидаться, пока они начнутъ освобождать себя снизу.

В. И. Семевскій говоритъ, что призракъ пугачевщины вѣчно стоялъ въ глазахъ нашего дворянства, напоминая о необходимости

¹⁾ В. И. Семевскій. Тамъ же, т. ІІ, стр 3. 2) И. И. Игнатовичъ. Цит. соч., стр. 172. 3) Тамъ же, стр. 174—175. 4) Тамъ же, стр. 177.

покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Мы только что видѣли, до какой степени это справедливо. Однако, ни сама пугачевщина, ни ея призракъ не привели къ отмънъ кръпостного права въ XVIII в. Почти, можно даже сказать: совстмъ ничего—не было сдълано для этого и въ первой половинъ XIX столътія. Но рядомъ съ крестьянскими волненіями, дополняя ихъ вліяніе и увеличивая ихъ интенсивность и численность, дъйствовала сила экономическаго развитія, приводившая наиболье образованныхъ помъщиковъ къ той мысли, что поддержание кръпостной зависимости не такъ выгодно для ихъ сословія, какъ это думають его невъжественные представители. Уже въ 1841 г. одинъ изъ «довъренныхъ чиновниковъ» упомянутаго выше гр. Киселева, Заблоцкій-Десятовскій, представиль своему патрону записку «о кръпостномъ состояніи въ Россіи», заключавшую въ себъ весьма замъчательный взглядъ на этотъ вопросъ. Авторъ записки, сдълавъ путешествіе во внутреннія губерніи, подъ предлогомъ «обозрѣнія управленія государственныхъ имуществъ», собралъ не мало данныхъ, на основаніи которыхъ онъ пришелъ къ тому выводу, «что работа барщиною не выгодна ни для помѣщика, ни для крестьянина; что туть теряють обѣ стороны, и что гораздо выгоднъе для сельскаго хозяйства былъ бы вольно-наемный трудъ» 1). Затъмъ онъ указывалъ, какъ вредно вліяетъ кръпостное право на развитіе производительныхъ силъ въ обрабатывающей промышленности 2).

«Развитіе промышленности, — говорилъ онъ, — требуетъ не только огражденія личности и собственности, но и свободы располагать своимъ временемъ, трудомъ и мъстомъ жительства. И потому естественно, что кръпостное состояніе, привязывая насильственно человъка къ землъ, отстраняетъ развитіе промысловъ даже между оброчными крестьнами» ³). Въ доказательство онъ ссылался, между прочимъ, на исторію горныхъ заводовъ въ Оренбургской губерніи. Заводы шли тамъ очень хорошо, пока оставались въ рукахъ купцовъ. Но съ тъхъ поръ какъ они перешли въ дворянскія руки, начались безпорядки, бунты и поджоги, и заводское дѣло пошло къ упадку 4). Въ такомъ же смыслъ говорилось и о торговлъ. Все это было весьма убъдительно, хотя и звучало для офиціальныхъ ушей, какъ непозволительная ересь. Записка Заблоцкаго-Десятовскаго не только не была напечатана, но, какъ говоритъ онъ самъ, даже въ рукописи не могла быть передаваема для чтенія безъ опасности для ея автора 5). Однако, экономическіе факты не утрачивають своего значенія отъ того, что люди боятся говорить о нихъ. Сознаніе невыгодности кръпостного труда все болъе и болъе просачивалось въ помъщичью среду, а несчастный исходъ крымской войны обна-

¹⁾ Забл.-Десятовскій. Гр. П. Д. Киселевъ и его время, т. III, стр. 291 и т. IV, стр. 282—284.

²⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 294—295.

³) Тамъ же, стр. 328.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 330.

⁵) Тамъ же, т. II, стр. 292—293.

ружилъ другую сторону того же вопроса. Какъ замѣтилъ Энгельсъ въ своей статьъ: «Иностранная политика русскаго царства», крымская война доказала, что Россіи, даже съ чисто-военной точки зрѣнія, необходимы желѣзныя дороги и крупная промышленность. А это опять значило, что пора уничтожить крѣпостное право 1).

XII.

19 февраля 1861 г. явилось вынужденнымъ отвътомъ на этотъ настоятельный запросъ исторіи. Кръпостное право пало; великая цъпь порвалась. Но при указанныхъ мною общественныхъ отношеніяхъ, она, разрываясь, не могла не ударить гораздо больнъе по мужику, нежели по барину.

Первымъ, сдъланнымъ открыто, шагомъ правительства на пути уничтоженія кръпостного права, былъ рескриптъ Александра II, отъ 20 ноября 1857 г., на имя Назимова. Въ этомъ рескриптъ больше всего обращаетъ на себя вниманіе слъдующій принципъ:

«Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они имъ платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику».

Обѣщаніе сохранить за помѣщиками право собственности на всю землю рѣзко расходилось съ изложеннымъ выше понятіемъ крестьянъ о землевладѣніи, но зато вполнѣ соотвѣтствовало дворянскому взгляду на тотъ же предметъ. Заблоцкій - Десятовскій въ своей запискѣ,—напомню, что она была составлена еще въ 1841 г.,—разсказываетъ, что помѣщикъ С.-В. въ Рязани говорилъ ему: «Пускай освободятъ крестьянъ, но земли мы пяди не дадимъ» 2). Такъ оно и вышло: помѣщики «пяди» земли «не дали» крестьянамъ. Если, тѣмъ не менѣе, въ рукахъ бывшихъ крѣпостныхъ осталась большая часть тѣхъ надѣловъ, которыми они пользовались до своего «освобожденія», то это произошло потому, что помѣщики продали имъ эту часть, и притомъ продали, какъ мы знаемъ, по несоразмѣрно высокой цѣнѣ. Внося эту несоразмѣрно высокую цѣну, «го-

¹⁾ Съ этимъ замѣчаніемъ Энгельса о значеніи желѣзныхъ дорогъ интересно сопоставить мнѣніе, высказанное Погодинымъ во время крымской войны: "О пользѣ ихъ толковать и спорить уже нечего, когда семьдесятъ тысячъ французовъ и англичанъ, вмѣстѣ съ турками, гдѣ ни нападутъ на насъ, имѣющихъ полтора милліона войска... вездѣ берутъ надъ нами верхъ числомъ: подъ Калафатомъ и Ольтепицей, подъ Журжей и Силистріей, въ Крыму й за Кавказомъ. Если-бъ у насъ были желѣзныя дороги, то настоящая война повелась бы иначе, да едва бы началась въ такомъ видѣ" (Жизнь и труды М. П. Погодина—Н. Барсукова. Ки. XIII, стр. 158—159).

2) Назв. соч., т. IV, стр. 338, примѣчаніе

сударевъ сирота» выкупалъ не только свою собственную землю, но и свою личность.

Многіе помѣщики доказывали, что признать ихъ право собственности на всю землю, значитъ—освободить крестьянъ совсѣмъ безъ земли. Но это шло въ разрѣзъ съ интересами правительства, т.-е. вѣрнѣе, фиска.

Для фиска обезземеленіе крестьянъ было невыгодно потому, что оно лишило бы ихъ матеріальной возможности выполнять свои обязанности передъ правительствомъ (о чемъ и напоминалось въ приведенномъ отрывкъ изъ Высочайшаго рескрипта). Кромъ того, правительство не чуждо было при этомъ и политическихъ соображеній. Редакціонныя комиссіи, отвергая безземельное освобожденіе крестьянъ, говорили, что оно повело бы къ образованію въ Россіи класса свободныхъ, но бездомныхъ работниковъ. Этого, по ихъ мнънію, необходимо было избѣжать. «Правительство,—разсуждали онѣ, имъя въ виду и исторію, и настоящее положеніе вещей въ другихъ государствахъ, безъ сомнънія не можетъ допустить подобныхъ послъдствій. Вотъ почему правительство, а съ нимъ и комиссіи, почитали выкупъ крестьянской земли главнымъ исходомъ вопроса и, не дълая его обязательнымъ, желали бы остановить его такъ, чтобы въ большей части случаевъ онъ могъ удобно совершиться для обоюдныхъ пользъ» 1).

Когда, впослъдствіи, цъль, поставленная себъ правительствомъ, не была достигнута съ помощью необязательнаго выкупа, оно прибѣгло къ обязательному. Но отъ цѣли оно не отказалось, да и не могло отказаться. Это противоръчило бы всъмъ преданіямъ политики правительства по отношенію къ крестьянству. Крупнъйшій въ мірѣ помѣщикъ-рабовладѣлецъ, государство, рѣшительно не могъ помириться съ тою мыслью, что освобождаемыя крестьянскія «души», съ которыми онъ уже собирался распорядиться по своему, сразу предстанутъ передъ нимъ въ видъ многомилліоннаго пролетаріата. Съ этой стороны его интересы разошлись съ интересами остальныхъ рабовладъльцевъ, чъмъ и объясняются тъ тренія между тогдашними помъщиками и «петербургскими чиновниками», которыя нъкоторые добродушные люди до сихъ поръ объясняють народолюбіемъ извъстныхъ слоевъ тогдашней бюрократіи ²). Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что уже въ 1841 г. «довъренный чиновникъ» гр. Киселева,—величайшаго дъятеля по устройству

Крестьянское дъло въ царствованіе Императора Александра II. Сост.
 Скребицкій. Боннъ на Рейнъ, 1862 г., т. І. Введеніе, стр. XCIV.

²⁾ Въ XVII в., по словамъ проф. Ключевскаго, "законъ и помъщикъ", повидимому, поддерживали другъ друга въ погонъ за крестяниномъ. Но согласіе было только наружное (Курсъ Рус. Ист. г. III, стр. 224). Нѣчто подобное произошло и въ эпоху "освобожденія" крестьянъ. Только проф. Ключевскій напрасно думаєть, что согласіе между закономъ и помъщикомъ было только наружное. Въ извъстныхъ, и притомъ весьма широкихъ, предълахъ оно было согласіемъ по существу, и лишь за этими предълами начиналось несогласіе, такъ какъ предметь эксплоатаціи былъ одинъ и тотъ же: "государевъ сирота"

государственнаго рабовладъльческаго хозяйства,—Заблоцкій-Десятовскій защищаль въ своей запискъ слъдующія положенія:

- «1) Должно отвергнуть всякую мысль о совершенномъ лишеніи крестьянъ земли. Можно права ихъ на землю облечь въ ту или другую форму; но лишить ихъ совершенно земли, значитъ—итти на явную опасность, не имѣя рѣшительно никакихъ средствъ бороться съ нею.
- «2) Такимъ же образомъ нельзя допустить въ настоящее время возможности установить отношенія крестьянъ съ помѣщиками на взаимномъ, свободномъ согласіи, по силѣ контрактовъ» 1).

Въ концѣ концовъ именно эти принципы и восторжествовали при эмансипаціи. Обязательный выкупъ привелъ къ тому, что въ рукахъ крестьянъ осталась бо́льшая часть ихъ бывшихъ надѣловъ Мы уже знаемъ, какъ дорого они заплатили за нее. Выступивъ въ роли посредника между крѣпостными душами и ихъ «господами», «величайшій въ мірѣ рабовладѣлецъ» не могъ измѣнить интересамъ этихъ послѣднихъ. Операція выкупа крестьянской земли очень понравилась ему. Онъ тогда же вознамѣрился перевести на выкупные платежи и своихъ собственныхъ— «казенныхъ» — крестьянъ; хотя по отношенію къ нимъ было уже в полнѣ ясно, что, какъ выразился И. С. Аксаковъ, — заставить ихъ выкупать свою землю все равно, что «заставить дубъ выкупать свои собственные корни».

Этотъ замыселъ былъ, какъ извъстно, осуществленъ въ 80-хъ гг. преобразованіемъ государственной оброчной подати въ выкупные платежи. Моя справка имъетъ въ виду лишь реформу 19 февраля 1861 года.

Соображая все сказанное, приходится признать, что не весьма основательно было умиленіе покойнаго Джаншіева передъ этой реформой. Нечего и говорить: крестьянъ освободить слѣдовало. Но вътомъ-то и дѣло, что реформа 19 февраля далеко-далеко не была ихъ полнымъ и всестороннимъ освобожденіемъ. Экономическое положеніе нынѣшняго крестьянства всѣмъ извѣстно. А что касается ихъ правового положенія, то достаточно вспомнить, что фактически они до сихъ поръ представляютъ собою сословіе «сѣкомое» по преимуществу. Есть отъ чего умиляться!

Нечего и говорить—полное освобожденіе крестьянъ необходимо. Но это можетъ быть лишь дѣломъ болѣе или менѣе далекаго будущаго...

TOO I ACTUAL TO THE ACTUAL PROPERTY OF THE PRO

¹⁾ Гр. II. Д. Киселевъ. Т. IV, стр. 343.